

Научная статья
УДК 94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_102

К ВОПРОСУ О ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ
И ПЕРЕХОДЕ НА ОСЕДЛОСТЬ КАЛМЫКОВ-КОЧЕВНИКОВ (1920–1930-Е ГГ.)

Бадмаева Екатерина Николаевна

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия
en-badmaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

Аннотация. Актуальность заявленной проблематики обусловлена выдвинутыми в настоящее время задачами подробного изучения отдельных компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе и устойчивости калмыцких кочевников к специфическим природно-климатическим факторам. Целью представленной научной статьи является исследование механизма перехода калмыцких скотоводов на оседлый образ жизни и их взаимодействие с природно-климатическими и социально-экономическими процессами. Сравнительно-сопоставительный анализ фактов и данных представленных источников позволил избежать субъективной трактовки изучаемой проблемы нашего исследования и исключил тенденциозные взгляды на тот или иной исторический эпизод. Нами были детально проработаны фонды Национального архива Республики Калмыкия, насыщенные богатым фактическим материалом по всему интересующему нас спектру вопросов. В целом имеющиеся источники позволили достаточно верно дать ответы на весь комплекс поставленных задач. В заключении автор приходит к выводу о том, что в 1920-е гг. в Калмыцкой автономной области создались все необходимые условия для перехода кочевников-скотоводов на оседлый образ жизни. Серьёзный кризис в традиционной животноводческой отрасли подтолкнул кочевников к перестройке хозяйственной деятельности и активному включению в общую структуру социально-экономических параметров советской системы. Особенности этих параметров сориентировали номадов на использование природных источников, могущих обеспечить их дальнейшее существование. В целях формирования единого социума Советское государство создало определённые условия для объединения разобщённого калмыцкого населения с предоставлением гомогенных возможностей для хозяйственной деятельности, развития образования, культуры, здравоохранения. В результате в КАО стал наблюдаться некоторый рост экономики, значительно уменьшилась смертность среди кочевников, приостановился процесс вымирания всего населения степного региона, связанный с голодным бедствием 1921–1922 гг., что привело к росту численности автохтонного калмыцкого населения.

Ключевые слова: Советское государство, кочевые народы, калмыки, природно-климатические факторы, седентаризация, Калмыцкая автономная область, скотоводство, земледелие, мелиорация, пескоукрепительные работы

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Бадмаева Е. Н. К вопросу о природно-климатических факторах и переходе на оседлость калмыков-кочевников (1920–1930-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 102–111. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_102.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ON THE QUESTION OF NATURAL AND CLIMATIC FACTORS
AND THE TRANSITION TO SETTLEMENT OF NOMADIC KALMYKS (1920–1930s)

Ekaterina N. Badmaeva

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia
en-badmaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

Abstract. The relevance of the stated problems is due to the tasks put forward at the present time of a detailed study of the individual components of the nomadic lifestyle in a modernized society and the resistance of Kalmyk nomads to specific natural and climatic factors. The purpose of the presented scientific article is to study the mechanism of the transition of Kalmyk pastoralists to a settled way of life and their interaction with natural-climatic and socio-economic processes. Comparative and comparative analysis of the facts and data of the presented sources, it seems to us, made it possible to avoid a subjective interpretation of the problem under study in our study and excluded tendentious views on a particular historical episode. We have worked out in detail the collections of the National Archives of the Republic of Kalmykia, rich in factual material on the entire range of issues of interest to us. In general, the available sources made it possible to give fairly accurate answers to the whole

range of tasks. In conclusion, the author comes to the conclusion that in the 1920s. in the Kalmyk Autonomous Region, all the necessary conditions were created for the transition of nomadic pastoralists to a settled way of life. A serious crisis in the traditional livestock sector prompted the nomads to restructure their economic activities and actively integrate into the overall structure of the socio-economic parameters of the Soviet system. The features of these parameters oriented the nomads towards the use of natural sources that could ensure their continued existence. The Soviet state, in order to create a single society, created certain conditions for the unification of the disparate Kalmyk population, with the provision of homogeneous opportunities for economic activity, the development of education, culture, and healthcare. As a result, some economic growth began to be observed in KAO, mortality among nomads significantly decreased, the process of extinction of the entire population of the steppe region, associated with the famine of 1921–1922, was suspended, which led to an increase in the number of autochthonous Kalmyk population.

Keywords: Soviet state, nomadic peoples, Kalmyks, natural and climatic factors, sedentarization, Kalmyk Autonomous Region, cattle breeding, agriculture, land reclamation, sand-fixing works

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313>).

For citation: Badmaeva E. N. On the Question of Natural and Climatic Factors and the Transition to Settlement of Nomadic Kalmyks (1920–1930s). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 102–111. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В настоящее время тема природно-климатических факторов и их влияние на седентаризацию кочевых обществ вызывает значительный интерес в научных кругах. Учёные проявляют заинтересованность к проблеме устойчивости кочевников–скотоводов к сложным природно-климатическим условиям проживания. В настоящем исследовании нами сделана попытка подробно рассмотреть переход калмыков на кочевой образ жизни в сложных природно-климатических условиях, в результате которого произошло постепенное выравнивание культурного и социального уровня развития калмыцкого народа.

Для настоящего исследования несомненное теоретическое и практическое значение имеют труды известных зарубежных и российских учёных [13; 1; 7; 8; 16; 17; 6; 2; 3; 4; 5; 14; 15]. Их работы содержат важные методологические положения, раскрывающие во всей своей полноте характер взаимоотношений населения кочевого общества и природы.

На основе анализа широкого круга неопубликованного материала из фондов Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) нами прослеживается процесс перехода на оседлый образ жизни калмыков-кочевников, в частности исследуются особенности системы природопользования, даётся представление о хозяйстве калмыков и социально-экономических отношениях.

Основная часть

Переход скотоводческого хозяйства кочевых народов России в имперский период от чисто натуральных форм к товарно-рыночным, развитие рыночных отношений, частичное применение в хозяйстве стойлового содержания скота, создание ограниченных запасов зимних кормов, наконец, изменение бытовых условий жизни кочевника, приводили к ежегодному нарастанию стихийного, неорганизованного процесса обоседления кочевого населения. Архивные документы, хранящиеся в НА РК, достаточно чётко показывают, что до образования автономии калмыцкого народа в 1920 г. переход на оседлый образ жизни автохтонного населения носил внеплановый и хаотичный характер, обусловленный правительственной политикой Российской империи и природно-климатическими факторами территории проживания. Так, в 1909 г., по данным обследования Яковлева, Иванова и Насонова, из общего количества хозяйств Калмыкии в 22 636 единиц оседлого населения было 2 717 хозяйств, или всего 12 % [9, л. 53].

Советское государство было заинтересовано в упрочении своей власти над кочевыми народами, которые, по словам профессора Ф. Сеницына, «занимали огромные и стратегически важные территории, что и было главной проблемой власти. Контроль "оседлого" государства за кочевыми народами вообще затруднителен, а в России после событий революции и гражданской войны стал ещё менее достижим. Если во многих частях страны советская власть была установлена с трудом, то на "кочевых" территориях она не была установлена вообще...» [15, с. 32].

Одним из важных условий контроля над кочевыми народами власть считала переход на оседлость. В первые годы советской власти данный процесс являлся в значительной степени вынужденным вследствие обнищания калмыцкого хозяйства, серьёзного упадка, наблюдавшегося в традиционной отрасли — животноводстве. За годы Первой мировой и Гражданской войн, голодного бедствия 1921–1922 г. фактические потери составили около 80 % поголовья скота. Советское государство широко использовало неблагоприятную ситуацию калмыцких кочевников и посчитало нужным в ускоренном виде перевести их на оседлость, несмотря на то, что сами скотоводы достаточно пассивно отнеслись к процессу седентаризации.

Правительственная политика, критическая ситуация в животноводстве, вынудили калмыцких кочевников спешно встраиваться в социально-экономические параметры советского государства. Особенности этих параметров побудили кочевников взять ориентир на использование природных источников, могущих обеспечить их дальнейшее существование. Потому часть кочевого калмыцкого населения стала переселяться к берегам р. Волги и прикаспийским ильменям, поближе к водным ресурсам, и переключилась на занятие рыбной ловлей для своего пропитания. Другая группа степняков переместилась на новое место жительства — в степи Ергенинской возвышенности (водораздел левых притоков Дона и правых притоков Волги, протяжённостью в 350 км), где оседлое калмыцкое и русское население уже занималось подсобным земледелием.

Как известно, в начале 1920-х гг. отдельные группы калмыков проживали в различных регионах России. Советские власти в целях создания единого социума организовали массовое переселение в Большедербетовский (в 1930 г. переименован в Западный улус) в так называемый земледельческо-скотоводческий улус «с сосредоточением в пределах Калмыкии части разъединённого калмыцкого населения, проживавшего до этого времени в Донской, Терской, Оренбургской областях; в Астраханской и Ставропольской губерниях. В период с 1917 по 1924 г. в западную часть области — в Большедербетовский улус — переселилось 3 400 чел. донских калмыков; 456 чел. — оренбургских; 807 чел. — терских и кумских; 50 чел. — астраханских. Всего 4 713 чел.» [10, л. 2].

Советское государство старалось создать благоприятные условия для объединения разобщённого калмыцкого населения и как могло поддерживало переселенцев: выделило им материальную помощь для переезда в КАО; предоставило льготы на продовольственные и семенные ссуды; оказало помощь в строительстве домов. Государственная помощь на седентаризацию калмыцким кочевникам поступала также в виде сельскохозяйственных и денежных кредитов на приобретение рабочего скота. В 1923–1924 гг. земледельческо-скотоводческий Большедербетовский улус получил из федеральных бюджетных средств на закупку строительных материалов и жилищное строительство 37,8 тыс. руб.; на переселение калмыцкого населения из других областей и губерний — 22,2 тыс. руб.

В 1924 г. для выявления и обследования земельных фондов в КАО для их рационального использования Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции было выделено 480 тыс. руб. Данная сумма распределилась следующим образом: членам экспедиции на исследовательские работы — 15 тыс. руб.; на землеустройство Большедербетовского улуса — 90 тыс. руб.; на хозяйственное обустройство переселенцев-земледельцев — 375 тыс. руб. Денежные средства получили 2 962 хозяйства, в том числе на постройку жилищ — 180 тыс. руб. (48 %); на рабочий скот — 110 тыс. руб. (29,4 %); приобретение сельхозинвентаря — 41,6 тыс. руб. (11,1 %); прочие нужды и расходы — 25 тыс. руб. (6,0 %). Всего 375 тыс. руб. [10, л. 4]. По результатам работы экспедиции были созданы крестьянские хозяйства калмыцких скотоводов. Принятые властями меры позволили переселенцам освоить новые земли, возвести стационарные постройки.

В восточных калмыцких улусах переселение из других территорий страны велось не так активно. В 1924 г. переход на оседлый образ жизни происходил в основном из числа местного населения, где наибольший процент обоседленных пришёлся на рыболовецкий Приморский улус (до 1930 г. Эркетевский и Яндыко-Мочажный улусы; в 1935 г. на его территории образованы Долбанский и Лаганский районы). Бывшие солдаты, политически и культурно поднатеревшие за время пребывания в частях Красной армии, возвратившись на родную землю с фронтов Гражданской войны, объединились в ловецкие артели, активно организовывали строительство поселков [10, л. 3]. В 1925 г. на седентаризацию кочевников в восточных улусах власти выделили 275 тыс. руб. долгосрочного кредита. Ссуду получили 736 кочевых хозяйств, в том числе 702 единоличных хозяйства, одно животноводческое товарищество и 34 хозяйства Центрального (бывшего Маньчского) улуса. Однако размер выданной ссуды оказался меньше среднестатистической стоимости жилища в регионе, и её хватало лишь на постройку скромной мазанки и частичное приобретение скота. Эффективность использования отпущенного кредита составила 55 % [11, л. 140].

Предоставление ссуды крестьянам в КАО, переходившим на оседлость, осуществлялось следующим образом: на одно единоличное хозяйство выдавалось от 250 до 500 руб. и по 1 200 руб. выдавалось товариществам. Предоставленный кредит был использован на приобретение скота в размере 77,17 %; сельскохозяйственный инвентарь — 11,48 %; жилищное строительство — 11,30 % [10, л. 5]. Небольшого размера кредитования явно не хватало, но тем не менее в результате финансовой поддержки государства в Калмыцкой автономной области образовался 21 посёлок.

В период с 1926 по 1930 г. Калмыкия не получила специального финансирования на проведение седентаризации, на организованную закупку плановых строительных материалов для строительства жилых помещений для кочевников, переходящих на оседлость. В 1928 г. при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в Калмыцкой автономной области планировались мероприятия по обоседлению, но локализовались они в основном на жилищном строительстве. Общая сумма затрат на пятилетие составила 1 890 тыс. руб. Основным недостатком проекта пятилетки было то, что его параметры строились с учётом преимущественно единоличных хозяйств (без учёта их социального состава)

и без тщательного анализа процесса проведения коллективизации калмыцкого хотона (посёлка). Кроме того в прогнозных параметрах не нашли отражения производственные и социально-культурные мероприятия, вследствие чего трудно было судить о характере и перспективах развития обособляемых хозяйств. Подобный правительственный подход не смог вызвать интерес калмыцкого крестьянства к быстрому переходу к оседлости, т. к. он на практике не был подкреплён финансовой составляющей. Калмыкии также не выделялись целевые кредиты на основные направления реконструкции сельского хозяйства. Только в 1931 г. на основании решения СНК РСФСР было выделено на развитие сельского хозяйства и жилищное строительство Калмыцкой автономной области 11 409 тыс. руб. [10, л. 6].

В целом меры ограниченной государственной поддержки кочевого населения КАО не принесли заметных результатов. Как информировали местные власти в центр: «...несмотря на ряд директивных указаний правительства (постановление СНК РСФСР по докладу облисполкома и Госплана РСФСР при рассмотрении областной уятилетки) в отношении необходимости форсирования мероприятий по обособлению, стоит вопрос об угрозе срыва наших планов» [11, л. 140 об.]. Тем не менее, как в 1928 г. в пятилетних, так и в 1931 г. — трёхлетних и в 1932 г. — двухлетних планах государство планировало коллективный переход на оседлость всего кочевого и полукочевого населения региона. В пятилетнем плане на 1928–1932 гг., в концепции по реконструкции сельского хозяйства в кочевых обществах выделены три основных взаимосвязанных составляющих: обособление, землеустройство и мелиорация. В документе отмечалось, что переход на оседлость — один из основополагающих факторов развития советской экономики у кочевников. Как считали власти, «дальнейшее обособление должно идти с учётом землеустройства и хозяйственной перспективы в плановом порядке» [11, л. 31].

Начиная с 1929 г., Советское государство активно взялось проводить одновременно с коллективизацией форсированную модернизацию кочевников. Руководители крайисполкома Нижневолжского края считали, что «обширный район Калмыцкой автономной области между Ергенинской возвышенностью и Волгой представлял территорию, где возможно было широкое развитие сельского хозяйства (преимущественно, животноводства)» в рамках проведения седентаризации населения [12, л. 32]. Серьёзным препятствием для ускоренного обособления калмыцкого населения стало отсутствие основного элемента оседлости — водных ресурсов. Острый дефицит водохозяйственной базы в указанном районе осложнял переход скотоводческих хозяйств на земледелие. Данный район был представлен водным богатством в виде сточных снеговых вод с Ергенинской возвышенности, ежегодно стекавших по рекам и балкам в Сарпинские озёра, оттуда эти воды распространялись к югу, разливаясь по солончакам. По мнению регионального руководства, обводнение и орошение Калмыкии являлось актуальным делом, но первоочередным в этом вопросе местная власть считало использование сточных вод Ергени и обводнения и орошения прилегающих территорий и Сарпинской долины» [12, л. 32 об.].

Вышедшее 10 сентября 1930 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР ускорило изучение земельного устройства по всей стране. В Калмыкии, кроме важнейшей проблемы изысканий в Ергениско-Сарпинской низменности, стояла также задача обводнения всей территории области. Первым шагом стала установка в центральной части степи колодцев, а при Ергенинской части — сооружение прудов [11, л. 140].

Нижне-Волжский краевой исполком обязал местные калмыцкие власти срочно провести массовое обособление кочевого населения «для широкого развития сельского хозяйства, преимущественно, на животноводческой базе». В то же время руководство крайисполкома констатировало наличие кризисной ситуации в данной отрасли сельского хозяйства, обусловленной сложными природно-климатическими условиями территории, отсутствием достаточного запаса кормов: «В настоящих естественных условиях КАО даже экстенсивное животноводческо-полевое хозяйство чрезвычайно затруднено, так как не имеется устойчивых кормовых запасов, а в засушливые годы происходит массовый падеж скота» [12, л. 31]. По мнению властей Нижне-Волжского края, калмыцким скотоводам важно было перейти на новую ступень социального развития, создавая новый вид хозяйственной деятельности — земледельческой. В то же время отмечалось, что калмыцким «...скотоводам невозможно было рассчитывать на развитие земледелия при существующих естественных условиях, ибо нет таких надёжных баз, где можно было бы строить большие коллективные хозяйства или крупные зерновые совхозы, должные служить образцовыми хозяйствами и главными руслами — проводниками по пути переустройства единоличных крестьянских хозяйств на высокопроизводительные и коллективные» [12, л. 31 об.].

Важнейшим аспектом народнохозяйственного развития региона являлось регулирование землепользования, занимавшее одно из ключевых направлений, охватывавшее не только земледельческие районы, но и животноводческие регионы. До 1928–1929 гг. землеустройство в Калмыцкой автономной области носило случайный, бессистемный характер, только начиная с этого времени в регионе начались плановые землеустроительные мероприятия. Основными установками землеустройства на 1930 г. являлось землеустройство социалистического сектора (колхозов и совхозов) путём их преимущественного права обслуживания. Так, право пользования землей официально было предоставлено 108 колхозам на площади 1 037 459 га и трём совхозам, из них двум акционерным обществам — «Овцевод» с площадью 184 тыс. га и «Скотовод» на площади 72 тыс. га [11, л. 31 об.].

Общая землеустроительная площадь Калмыкии в 1930 г. составляла 4 164 млн га, из которых на долю совхозной системы приходилось 1 831 млн га, колхозам — 2 333 млн га. Общая сумма затрат составила 708 тыс. руб., из них на долю совхозов сумма составила 503 тыс. руб. [11, л. 32].

Землеустройство играло большую роль в социалистическом преобразовании деревни. Так, в КАО были определены конкретные районы землеустройства: Центральный, Сарпинский, Приволжский и Приморский улусы. Организация территории состояла из:

- выбора мест поселения и определения размера вновь организуемых посёлков;
- обеспечения земельной территории поселения как для застройки, так и для ведения сельского хозяйства;
- обеспечения водой;
- строительства жилых и подсобных строений для обособлявшихся.

Таким образом, в 1930 г. коренным образом изменились отношение и подходы к земельному устройству. Оно в большей степени приобретало характер социально-экономического мероприятия.

Новый проект обособления кочевых народов в стране, запланированный на вторую пятилетку (1932–1937 гг.), определялся из расчёта актуальных задач, стоявших перед животноводческими районами в период его реконструкции. Основными ее установками являлись:

- неразрывная связь перехода на оседлый образ жизни и коллективизации;
- координация обособления в отношении выбора точек строительства посёлков с учётом социально-экономического направления хозяйства;
- создание в новых поселениях благоприятных условий для осуществления комплекса мероприятий социально-культурного назначения;
- превращение посёлков в образцово-показательные колхозы [9, л. 55].

В Калмыкии из 7 020 кочующих хозяйств 702 объекта (10 %) планировалось закрепить за совхозами в целях обеспечения их рабочей силой на постоянной основе. Поэтому области подлежало перевести на оседлость в среднем до 318 хозяйств. Размер посёлков по количеству дворов состоял от 50 до 100 хозяйств, и их величина зависела от характера формы хозяйствования. Так, в скотоводческих посёлках числилось 50 хозяйств, а в земледельческо-скотоводческих — около 100. Принятые нормы являлись относительными и в зависимости от естественно-исторических и экономических условий могли меняться. В среднем по области на один посёлок приходилось 70–75 хозяйств. Как правило, обособляемые посёлки с животноводческим направлением создавались в зоне существовавших или вновь организовывавшихся совхозов и МТС.

В Центральном улусе планировалось организовать 18 посёлков с основным животноводческим направлением обособляемого хозяйства при ведущей отрасли мериносового овцеводства. Обеспеченность района сенокосными угодьями была незначительна — в среднем на один посёлок лиманных сенокосов приходилось около 120 га, что при условии зимней подкормки скота в течение трёх месяцев и создания 10 % неприкосновенного запасного фонда на случай «зуда» (монгольский термин, обозначающий особенно снежную зиму, когда животные не могут найти корм сквозь снежный покров, и большое количество животных умирает от голода и холода) не могло обеспечить имеющееся в посёлке количество скота. В силу этого планировалась организация сенокосения бугровых покосов. Средний размер количества пахотно-подсобных земель, приходившихся на один обособляемый посёлок, исчислялся в 48,7 га, используемых под сеяные травы — житняк.

В Сарпинском животноводческом районе с ведущим направлением мериносового овцеводства и подсобным крупным рогатым скотом и коневодством также планировалось активное проведение седентаризации. При условии введения в строй Сарпинской орошаемой системы для оседающих скотоводов появлялась возможность заняться земледелием на правильно орошаемых площадях, а на лиманах — засеять посевами люцерны. На поливных землях планировалось возделывать зерновые культуры (в основном пшеницу), огороды (для консервного завода и потребительских целей) и пропашные (бахчи и кукуруза), а на неполивных — в основном кормовые травы (магар, сарго), горчицу и хлопок. Поливное земледелие значительно усиливало бы значение крупного рогатого скота в этом районе [9, л. 55 об.].

В восточном Приволжском районе, в рамках перехода на оседлый образ жизни планировалось организовывать 17 животноводческих посёлков. Основным направлением животноводства в этом районе являлось разведение крупного рогатого скота, калмыцкой овцы, верблюдов, хотя обеспеченность лиманными сенокосами была совсем незначительна и составляла около 49,7 га на один посёлок. В основном пахотоспособные земли использовались колхозниками под посев кормовых и отчасти бахчевых культур. В дальнейшем, с осуществлением строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы предполагалось введение земледелия [9, л. 56].

Таким образом, в условиях проведения седентаризации советские власти намеревались провести агропромышленные мероприятия, направленные на качественно новый уровень развития сельского хозяйства области.

В связи с намеченными планами реконструкции сельского хозяйства в Калмыкии во главу угла стала проблема обеспеченности специалистами сельскохозяйственного профиля хозяйств и их эффективного использования, остро ощущавшаяся в регионе. Принятые по региону минимальные нормативы и нормы обеспеченности хозяйств (на 6 тыс. хозяйств приходился один агроном или зоотехник) затрудняли выполнение плана производства сельскохозяйственной продукции и повышение эффективности труда. В перспективном плане обоседления планировалось довести норму обслуживания населения на одного специалиста в среднем на 50–100 хозяйств или 12 посёлков. Исходя из этого, на каждые 12 посёлков требовался агроном, зоотехник, ветврач, ветфельдшер. Таким образом, общая потребность в специалистах профильного направления в районах обоседления определялась в 28 чел. Кроме того, в исследуемый период намечалось строительство сети агропунктов и семи ветпунктов с полным их оборудованием. Стоимость каждого пункта исчислялась в 31 тыс. руб. (постройка здания — 20 тыс. руб., оборудование — 11 тыс. руб.). Для улучшения качественного состава скота в районах животноводческих обоседляемых хозяйств, рассчитывалась организация случайных пунктов чистопородных производителей местного скота. В каждом пункте предполагалось иметь одного жеребца, двух быков калмыцкой породы и десять баранов меринской или калмыцкой породы [9, л. 57].

В целях внедрения среди населения вновь организуемых обоседленческих посёлков, в рамках агропромышленных мероприятий, предполагалось открытие сельскохозяйственных выставок; провести все виды борьбы с вредителями сельского хозяйства и организовать плодовые питомники.

В течение 1932–1937 гг. правительство планировало полностью завершить седентаризацию в Калмыкии. Представленная таблица даёт сведения о количестве кочевого населения в области в разрезе по основным улусам, предполагаемым к переводу на оседлость.

Таблица 1 — Сведения о количестве кочевого населения по КАО на 1932 г. [9, л. 58]

Название улусов	Общее кол-во хозяйств	в том числе скотоводческих	Оседлых хозяйств	Кочевых хозяйств	% кочевых по отношению к скотоводческим	% кочевых по отношению к общему количеству
Сарпинский	8 200	5 593	7 026	1 174	21	14
Центральный	10 134	4 773	6 554	3 580	53	34
Приволжский	4 743	2 609	3 461	1 282	49	27
Приморский	12 426	5 580	11 598	828	5	2
Всего	35 503	18 555	28 639	6 864	34	18

Темпы обоседления по указанным районам были различны и потому процент его неодинаков. Для всей же области процент обоседления по годам обуславливался наличием финансовых средств, размер которых и распределялся по годам.

Приводим в нижеследующей таблице численность поселков в улусах, переходивших на оседлость, с учетом их землепользования.

Таблица 2 — Количество мест поселения, оборудованных для обоседления, и размер землеобеспечения

Название улусов	Число мест поселения	Территория сельскохозяйственного использования для обоседления	В том числе поливных земель
Сарпинский	15	58 000 га	7 044
Центральный	48	360 000 га	—
Приволжский	17	130 000 га	282
Приморский	—	—	—
Всего	80	548 000 га	7 326 га

При исчислении необходимого количества мест поселения был взят средний размер посёлка от 50 до 100 хозяйств, исходя из возможности водоснабжения, т. к. водоснабжение для безводной области являлось решающим фактором при организации поселений. В Приморском улусе число поселений не указано ввиду большого количества проблемной земли, изрезанной ильменями. Размер территории сельскохозяйственного пользования вычислен по средним нормам выделения для скотоводческих хозяйств — 100 га на одно хозяйство. Для Центрального и Приволжского районов эта норма была оставлена без изменения. Для Сарпинского района уменьшена на 50 %, т. к. каждое хозяйство помимо выпасных угодий должно было получить 6 га поливных земель, которые по своим кормовым достоинствам заменят 50 га выгонных земель [9, л. 59]. Для Приморского района взят расчет 30 га на одно хозяйство с включением в это количество 1 га поливной земли пригодной для садово-огородных культур.

В реализации комплекса мероприятий сельскохозяйственного назначения, как подтверждают архивные источники, проделана большая организационная работа по введению в оборот посевных площадей в степных улусах, находившихся в зонах рискованного земледелия, для создания собственной продовольственной базы. Уже в 1935 г. практически все кочевые и полукочевые колхозы имели посевы, которые

с каждым годом расширялись. Бывшие кочевники-скотоводы осваивали технику земледелия, агрокультурные навыки. Все колхозы планировали сенокосшение и обслуживались МТС.

Важнейшими элементами плана второй пятилетки полеводства определялись:

- введение подвижных адаптивных севооборотов;
- правильная и высококачественная обработка посевов и удаление сорняков;
- борьба с засухой, путём широкого применения методов сухого земледелия (применение засухоустойчивых культур и сортов без орошения, с использованием агротехники, способствующей накоплению и рациональному использованию влаги в почве); устройство лесозащитных полос, снегозадержания и т. п.;
- широкое применение химических средств в сельскохозяйственных процессах.

Во второй пятилетке, как отмечалось в докладной записке местных органов власти, планировалось полностью завершить седентаризацию кочевых хозяйств. Калмыцкие власти планировали администрировать весь комплекс традиционного скотоводства и в связи с взятым государственным курсом реконструкции сельского хозяйства, расширить зерновое производство, внося свой посильный вклад для сверхвысоких темпов индустриализации страны. Для этих целей намечалось повысить налаженность в работе перевода кочевников на оседлые формы хозяйствования. Во второй пятилетке предполагалось перейти на оседлые формы хозяйствования — земледельческие работы как основную альтернативу пастбищно-кочевому скотоводству, как экономически более выгодную и рациональную систему.

Во второй пятилетке значительное развитие получило полеводческое хозяйство региона. Общая посевная площадь к 1937 г. составляла 312,7 тыс. га вместо 95,0 тыс. га в 1932 г. (рост в 329,2 %). Из общей площади под сухое земледелие отводилось 187,7 тыс. га и орошаемое — 125 тыс. га.

Структура посевных площадей к концу пятилетия изменилась следующим образом (сухое земледелие; табл. 3):

Таблица 3 — Структура посевных площадей [9, л. 7]

Наименование культур	1932 г.	1937 г.	% к 1932 г.
Зерновые	72,9	136,6	187,4
в т. ч. пшеница	50,56	115,8	229,3
Технические	7,6	21,0	1 106,2
Кормовые	0,5	12,8	256,0
Овощи	2,9	5,4	186,2

На основе этих данных была запланирована урожайность по отдельным культурам в центнерах с 1 га в 1937 г. (табл. 4):

Таблица 4 — Урожайность по отдельным культурам [9, л. 8]

Наименование культур	Сухое земледелие			Поливное
	1931 г.	1937 г.		
		Совхоз	Колхоз	Для всего скота
Озимые пшеницы	7,9	11,5	10,5	17,0
Яровые	3,5	19,2	9,3	15,0
Ячмень	3,0	10,5	-	16,0
Кукуруза	3,0	16,0	15,0	36,0
Подсолнух	6,0	9,2	8,5	—
Хлопок	2,5	—	4,5	10,0
Люцерна	12,0	15,0	15,0	60,0

В результате такого повышения урожайности валовая продукция возросла к 1937 г. до 420,0 тыс. т вместо 79,6 тыс. т в 1932 г., или на 528 %.

Развитие зерновых культур происходило главным образом за счёт освоения пахотных земель Западного улуса, где ведущей культурой являлась озимая пшеница. Важной составляющей являлся травопольный севооборот; в Приморском районе из общей площади в 20 тыс. га орошаемых земель до 10 тыс. га засеивалось хлопком. Интенсивное развитие во второй пятилетке получили посевные площади совхозов, увеличившиеся с 8,6 тыс. га в 1932 г. до 51,6 тыс. га в 1937 г. На фоне благоприятных природных условий (обилие тепла, длительность безморозного периода и пр.), роста городского населения и промышленного строительства, массового перехода на оседлость кочующих хозяйств, стало увеличиться плодовоовощное хозяйство. Общая площадь плодовых насаждений составила 2,5 тыс. га, виноградников до 1,6 тыс. га и огородов до 5,2 тыс. га.

К середине 1930-х гг. в западных и центральных улусах Калмыкии полным ходом происходил переход кочевого населения на оседлый образ жизни. Основной центр работы в этом направлении переместился в восточные районы, где в 1936 г. планировалось перевести на оседлость большую часть кочевого населения (табл. 5).

Таблица 5 — План перехода на оседлость в 1936 г. [10, л. 9]

Улусы	Сельские советы	Число оседающих хозяйств	Число посёлков
Долбанский	Белоозерский	108	2
	Цекертинский	61	1
	Центральный	81	1
Приволжский	Ницянский	50	1
Всего		300	5

В двух полукочевых хозяйствах Калмыкии предполагалось перевести на оседлый образ жизни 300 хозяйств в пяти точках, где планировалось строительство 30 шахтных колодцев и строительство мостов. В Долбанском улусе район расположения новых посёлков перерезался ериками: для обеспечения связи посёлков с сельским советом и улусным центром, требовалось, как было установлено улусной комиссией и утверждено Президиумом Долбанского УИКа, построить три моста. Общая длина мостов составляла 75 пог. м. Стоимость 1 пог. м была принята в 340 руб. без земляных работ [10, л. 9].

По перспективному плану реконструкции сельского хозяйства во второй пятилетке предполагалось создать сеть пескоукрепительных и лесомелиоративных участков. Первоочередными задачами в данный период определялись достижение следующих показателей:

- закрытие песков на площади 86,7 тыс.;
- устройство кустарных полос на площади 1,1 тыс. га;
- усиление лесозащитных полос на площади 3,7 тыс. га и другие виды комбинированных работ в лесомелиорации.

Несмотря на недостаток финансовых и технических возможностей большинство целевых показателей лесомелиоративных работ в регионе удалось выполнить и задержать на определённое время распространение песков на отдельных участках сельхозземель.

Сельское хозяйство Калмыкии в суровых природно-климатических условиях являлось основополагающей отраслью для кочевого народа, но с точки зрения вложения капиталовложений было делом малоприбыльным и малопривлекательным. Тем не менее в период модернизации сельского хозяйства государство поддержало калмыцкого сельхозпроизводителя. Большое внимание уделялось мелиорации, обводнительным мероприятиям и в особенности новой форме хозяйствования — земледелию.

Таблица 6 — Общая сумма капиталовложений в сельское хозяйство КАО на 5 лет, млн руб. [9, л. 8 об.]

	1932 г.	1937 г.
Обводнение	2,2	4,0
Мелиорация	27,6	11,6
Землеустройство	1,9	—
МСС	2,1	6,4
МТС	0,5	0,4
Животноводство	3,3	4,0
Плодовоовощное хозяйство	2,0	1,4
Оседание	3,6	—
Итого	48,2	27,8

В 1930-е гг., несмотря на убыточность сельского хозяйства в Калмыкии, Советское государство вложило в эту отрасль определённые капиталовложения, обеспечившие некоторый его рост и развитие. Поддержка государства создала условия для восстановления животноводства, растениеводства, роста посевных площадей, а также устройства мелиоративных объектов в степном регионе.

Выводы

В 1920-е гг. создались все необходимые условия для перехода кочевников-скотоводов на оседлый образ жизни. Советскому государству благодаря эффективному функционированию удалось выстроить и в определённой мере реализовать целевые установки по объединению разобщённого калмыцкого населения, переводу степняков на оседлость. В регионе продолжился процесс седентаризации, зримо выразившийся в строительстве стационарных жилищ, в укрупнении ранее образовавшихся посёлков, главным образом в Приморье и частично в Центральном и Сарпинском улусах.

Кочевники-калмыки сумели перестроиться и включиться в общую структуру социально-экономических параметров советской системы. Переход на оседлость, обусловивший развитие новых форм хозяйствования — земледелия, садоводства и огородничества, стал одним из основополагающих факторов развития экономики и культуры Калмыкии, хотя традиционная отрасль — животноводство, оставалась приоритетной.

Список литературы

1. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. — Москва : Библиотека РУСАЛа, 2007. — 128 с.
2. Дробышев, Ю. И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии / Ю. И. Дробышев. — Москва : Институт востоковедения, 2018. — 264 с.
3. Дробышев, Ю. И. Климатический фактор в истории и культуре кочевников Центральной Азии / Ю. И. Дробышев // Сакральное на традиционном Востоке / отв. ред. А. Л. Рябинин ; ред.-сост. Д. Д. Васильев, О. А. Королева, Н. И. Фомина. — Москва : ИВ РАН, 2017. — С. 110–140.
4. Дробышев, Ю. И. Некоторые вопросы методологии этноэкологических реконструкций (на примере Центральной Азии) / Ю. И. Дробышев // Расы и народы. — Москва : Наука, 2009. — Вып. 34. — С. 161–195.
5. Дробышев, Ю. И. Экологические аспекты традиционной культуры монгольских народов / Ю. И. Дробышев // Человек и Природа в духовной культуре Востока. — Москва : ИВ РАН: Крафт+, 2004. — С. 465–497.
6. Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. / Я. П. Дуброва. — Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. — 239 с.
7. Житецкий, И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Очерк второй / И. А. Житецкий // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. — Астрахань : Астраханский листок, 1892. — С. 36–214.
8. Костенков, К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С карт. Калмыцкой степи / составил Гл. попечитель калмыцкого народа ген.-майор К. Костенков]. — Санкт-Петербург : Мин-во гос. имуществ, 1870. — 171 с.
9. Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК). — Ф. Р-3. — Оп. 5. — Д. 29.
10. НА РК. — Ф.Р-3. — Оп. 2. — Д. 1923.
11. НА РК. — Ф.Р-3. — Оп. 5. — Д. 19.
12. НА РК. — Ф.Р-3. — Оп. 2. — Д. 1114.
13. Паллас, И. Г. Путешествие по разным провинциям Российского государства / И. Г. Паллас. — Санкт-Петербург : Императорская акад. наук, 1773–1788.
14. Сеницын, Ф. Л. Россия и кочевники. От древности до революции / Ф. Л. Сеницын. — Москва : Вече, 2021. — 288 с.
15. Сеницын, Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991 / Ф. Л. Сеницын. — Москва : Центрполиграф, 2019. — 318 с.
16. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — Изд. 3-е, доп. — Алматы : Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
17. Эрдниев, У. Э. Калмыки (историко-этнографические очерки) / У. Э. Эрдниев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Элиста : Калмыцкое книж. изд-во, 1985. — 282 с.

References

1. Georgi, I. G. *Opisaniye vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, upravneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state, their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other monuments]. Moscow: Biblioteka RUSALa; 2007, 128 p.
2. Drobyshev, Yu. I. *Klimat i khany: Rol klimaticheskogo faktora v politicheskoy istorii Tsentralnoy Azii* [The Role of the Climate Factor in the Political History of Central Asia]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS; 2018, 264 p.
3. Drobyshev, Yu. I. Klimaticheskiy faktor v istorii i kulture kochevnikov Tsentralnoy Azii [Climatic factor in the history and culture of the nomads of Central Asia // Sacred in the traditional East: Collection of articles]. *Sakralnoye na traditsionnom Vostoke* [Sacred in the traditional East]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS; 2017, pp. 110–140.
4. Drobyshev, Yu. I. Nekotoryye voprosy metodologii etnoekologicheskikh rekonstruktsiy (na primere Tsentralnoy Azii) [Some questions of the methodology of ethno-ecological reconstructions (on the example of Central Asia)]. *Rasy i narody* [Races and peoples]. Moscow: Nauka; 2009, iss. 34. pp. 161–195.
5. Drobyshev, Yu. I. Ekologicheskiye aspekty traditsionnoy kultury mongolskikh narodov [Ecological aspects of the traditional culture of the Mongolian peoples]. *Chelovek i Priroda v dukhovnoy kulture Vostoka* [Man and Nature in the spiritual culture of the East]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS: Kraft+; 2004, pp. 465–497.
6. Dubrova, Ya. P. *Byt kalmykov Stavropolskoy gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 g.* [The life of the Kalmyks of the Stavropol province before the issuance of the law on March 15, 1892]. Kazan: Typolitography of the Imperial University; 1898, 239 p.
7. Zhitetskiy, I. A. Astrakhanskiye kalmyki (nablyudeniya i zametki). Ocherk vtoroy [Collection of works of members of the Petrovsky Society of Researchers of the Astrakhan Territory]. *Sbornik trudov chlenov Petrovskogo obshchestva issledovateley Astrakhanskogo kraya* [Collection of works of members of the Petrovsky Society of Researchers of the Astrakhan Territory]. Astrakhan: Astrakhanskiy listok; 1892, pp. 36–214.
8. Kostenkov, K. I. *Istoricheskiye i statisticheskiye svedeniya o kalmy kakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoy gubernii* [Historical and statistical information about the Kalmyks roaming in the Astrakhan province]. Saint Petersburg: Ministry of State Property; 1870, 171 p.
9. *National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK)*. Found I-3, inventory 5, case 29.
10. NA RK. Found I-3, inventory 2, case 1923.
11. NA RK. Found I-3, inventory 5, case 19.
12. NA RK. Found I-3, inventory 2, case 1114.
13. Pallas, I. G. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Journey through different provinces of the Russian state]. Saint Petersburg: Imperial Academy Sciences; 1773–1788.

14. Sinitsyn, F. L. *Rossiya i kochevniki. Ot drevnosti do revolyutsii* [Russia and nomads. From Antiquity to the Revolution]. Moscow: Veche; 2021, 288 p.
15. Sinitsyn, F. L. *Sovetskoye gosudarstvo i kochevniki. Istoriya, politika, naseleniye. 1917–1991* [Soviet state and nomads. History, politics, population. 1917–1991]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2019, 318 p.
16. Khazanov, A. M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Almaty: Dayk-Press; 2002, 604 p.
17. Erdniyev, U. E. *Kalmyki (istoriko-etnograficheskiye ocherki)* [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1985, 282 p.

Информация об авторе

Бадмаева Е. Н. — доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

Badmaeva E. N. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.